
ОНИ ПРИХОДЯТ
НОЧЬЮ

Оксана Виниченко

Они приходят ночью

«Автор»
2026

Виниченко О.

Они приходят ночью / О. Виниченко — «Автор», 2026

Врачи говорят, что сонный паралич — это всего лишь сбой мозга. Но что, если в эти минуты душа действительно выходит из тела?У Анны есть всё для счастья: любящий муж, шестилетний сын и уютная пекарня. Но каждую ночь в три часа она просыпается в ледяном оцепенении. Она не может пошевелиться, не может закричать — и чувствует, как из темноты спальни к ней тянется нечто, пахнущее сырой землей и мокрым пеплом.Анна пытается убедить себя, что это просто стресс. Пока однажды утром её сын с детской наивностью не описывает тот же самый кошмар — и ярко-синюю дверь из старого дома бабушки, в котором Анна не была тридцать лет.Чтобы спасти сына, Анне придется вернуться в проклятый дом своего детства и закрыть синюю дверь навсегда.«Они приходят ночью» — атмосферный мистический триллер о природе сонного паралича, семейных тайнах и материнской любви, способной закрыть дверь между мирами.

© Виниченко О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Час быка 6
Глава 2. Запах пепла при свете дня 15
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Они приходят ночью

От автора

Маме, мужу и
сыну — людям, чья любовь и поддержка всегда были моим главным светом во
мраке.

Эта книга родилась из моего личного опыта. Много лет я живу с тем, что врачи называют сонным параличом. Для медицины это всего лишь кратковременный сбой на границе сна и бодрствования, когда мозг уже проснулся, а тело всё ещё остаётся неподвижным. Но для человека, застрявшего внутри этого состояния, нет никакой разницы между галлюцинацией и явью.

Когда ты не можешь пошевелить даже пальцем, слышишь чьи-то шаги в пустой комнате, чувствуешь чужое дыхание у лица или не в силах понять, проснулся ли ты на самом деле — грань реальности стирается. В эти минуты страх становится абсолютно физическим. А больше всего пугает даже не темнота, а чувство полного одиночества: кажется, что объяснить близким, насколько *настоящим* был этот кошмар, просто невозможно.

Мистический сюжет этой повести — художественный вымысел, рождённый моим воображением. Но каждое ощущение беспомощности, каждый ночной шорох, ложные пробуждения, синяя дверь и даже маленький котёнок, который в детстве замирал в темноте вместе со мной, — всё это чистая правда.

Если вы хоть раз застревали между сном и реальностью, вы узнаете себя на этих страницах. А если нет — просто загляните за синюю дверь.

Глава 1. Час быка

Сознание снова безжалостно выбросило её в деревенский дом бабушки Марии. Всё начиналось с резкого, выворачивающего душу рывка. Будто невидимая пружина срывалась внутри груди, выдергивая её из тёплой постели, и за долю секунды проносила сквозь сотни километров ночной темноты.

Анна оказывалась там не как зритель, смотрящий страшное кино, а по-настоящему. Босые ступни мгновенно обжигал ледяной холод некрашеных половиц, а в ноздри бил густой, застоявшийся запах пыли, сушеной полыни и сырого дерева. Она помнила эту комнату до тош-

ноты. Узкая кровать у стены, старое трюмо с трехстворчатым потемневшим зеркалом, тонкая трещина на потолке, похожая на сухую ветку. Она не переступала порог этого дома больше тридцати лет, но из ночи в ночь её словно магнитом притягивало в застывшее детство.

И каждый раз всё начиналось одинаково. Дом бабушки. Эта комната. Обычная деревянная дверь в нескольких шагах, выкрашенная в густой синий цвет. За ней находилась застеклённая веранда, а дальше — выход в сад. Здесь, в вязком пространстве, эта дверь была единственной границей между западнёй этого дома и её настоящей спальней. Стоило переступить порог — и сознание вернулось бы в тело. Нужно было только добраться до ручки. Анна никогда не воспринимала её как нечто пугающее — наоборот, во сне эта дверь всегда означала одно: спасение.

Внутренний голос панически кричал: «Беги!». Анна вытянула руку, почти коснулась пальцами холодного металла… как вдруг воздух вокруг неё мгновенно загустел. Хлёсткий ледяной поток подсек под колени и потащил назад.

Анна упёрлась ногами в пол, попыталась ухватиться за дверной косяк, но пальцы скользнули по гладкой краске. Дверь была совсем близко. Ещё секунда — и она спасётся. Но невидимая сила дёрнула её с такой яростью, что Анна потеряла равновесие. Она пыталась кричать, но легкие будто забило пеплом. Нечто бесплотное, пахнущее гнилью и старым пожарищем, мощным рывком утащило её назад, в удушливую черноту.

Анна резко открыла глаза. Циферблат электронных часов на тумбочке светился неоново-зеленым: 03:00. В их новом загородном доме, окруженном старыми раскидистыми яблонями, по ночам всегда царила глухая тишина. Но сейчас это безмолвие не приносило покоя. Оно давило на барабанные перепонки.

Анна не могла двигаться. Не могла говорить. Только смотреть прямо перед собой в серый полумрак. Правая половина кровати была пуста. Видимо, Марк снова засиделся за работой. Из-под двери спальни пробивалась тонкая полоска света — муж сидел в своём кабинете в конце коридора. Он был так близко. Но в то же время — бесконечно далеко, словно на другом конце вселенной.

Это случилось снова — привычный, мучительный сонный паралич. За тридцать лет Анна повидала в эти пограничные минуты немало странных видений. Однажды возле кровати стояла пожилая женщина в потёртом сером пальто. Она молча смотрела на Анну, пока к той не вернулась власть над собственным телом, а затем бесшумно растаяла в темноте. В другой раз на краю матраса сидел незнакомый мужчина с мокрыми волосами — с его одежды будто капала вода, но простыня под ним оставалась сухой.

Порой в спальню приходили лишь бесплотные тени. Они застывали в дверном проёме, скользили по стенам, словно отблески невидимого пламени, или тягуче, шаг за шагом подбирались к самой кровати. Однажды у окна замер высокий силуэт, чьи черты тонули в густой, непроглядной черноте. Анна зажмурилась всего на мгновение — а когда распахнула веки, безликая фигура уже склонялась прямо над ней.

Приходили и другие порождения темноты, которым в человеческом языке не нашлось бы имени. Но почти всегда после их ухода оставалось одно и то же гнетущее чувство: сон не закончился, что-то чужое и холодное успело просочиться в комнату. И всё же ни одно из этих видений не пугало Анну так сильно, как дом бабушки. Потому что всё неизменно начиналось там — с синей двери и незримой силы, которая не позволяла ей выйти.

Врачи объясняли ей это с самого детства: волноваться не о чем, сознание просто опередило тело, которое всё ещё остаётся в состоянии, характерном для фазы быстрого сна. Иногда мозг, застрявший на границе между сном и явью, продолжает рисовать пугающие образы, кажущиеся абсолютно осязаемыми. Они могут доводить до ужаса, но угрозы не несут. Обычный сбой нейронов. Игра уставшего разума.

Анна помнила эти сухие медицинские доводы наизусть. И всё равно всякий раз, когда её накрывал паралич, холодная логика рассыпалась в прах. Сжимая зубы в неподвижном рту, она как спасительную молитву твердила про себя заученную формулу: «Сознание проснулось. Тело ещё спит. Это пройдёт. Сейчас отпустит».

Даже в этом оцепенении пальцы её правой руки на простыне мысленно, до фантомной боли пытались сжаться — словно по старой, вросшей в подкорку детской привычке искали рядом маленький, тёплый, пушистый комок, который когда-то спасал её от темноты.

Она лежала на спине, чувствуя, как на грудь давит многотонная плита. Сердце бешено колотилось где-то в самом горле, лёгкие не могли сделать вдох, сжимаясь от нехватки кислорода. Анна была заперта внутри собственного неподвижного тела, как в тесном ящике. Ей оставалось только беспомощно вглядываться в серый полумрак спальни.

И тут послышался странный звук у окна. Дом стоял вплотную к старому саду, и ветки часто скребли по стеклу. Но этот шорох был другим. Было похоже, что кто-то мягкий, тяжёлый и влажный медленно скользил по ту сторону оконной рамы, вслепую нащупывая щель. Рама жалобно, едва слышно скрипнула.

Воздух в спальне резко остыл, словно из углов потянуло сквозняком. Из пересохшего горла Анны вырвался сдавленный сиплый хрип. По стене, вопреки отблескам уличного света, поползла чернота.

На этот раз из темноты выползло нечто, заставившее её разум кричать от первобытного отвращения. Это была уродливая, тучная фигура, отдалённо напоминающая человека, но полностью лишённая костей и суставов. Она двигалась, неестественно переливаясь и пульсируя, словно состояла из гнилой болотной жижи и мокрого, слежавшегося пепла. Анна почувствовала резкий запах: сырой земли, прелых листьев и чего-то ещё — едкого, тошнотворного, будто в спальне недавно тушили костёр.

Существо издавало влажные, хлюпающие звуки, похожие на чавканье тины под сапогами, и медленно, сантиметр за сантиметром, переползало на белый потолок прямо над кроватью. Оно не падало — оно прилипало к штукатурке, распластавшись над ней, как огромный паук.

Анна смотрела вверх расширенными от ужаса глазами, не в силах даже моргнуть. На раздутой, безликой массе медленно проступила глубокая, рваная щель, напоминающая рот. Из неё с тихим шипением потянулись вниз, прямо к её лицу, длинные чёрные нити. С их кончиков на одеяло капала вязкая темнота, не оставляя следов, но пробирая кожу резким холодом.

Одна из этих тягучих прядей коснулась её щеки. Анна почувствовала, как кожу обожгло колючим морозом, а в голову ворвался чужой, хриплый, скрипучий шёпот, от которого заломило зубы:

— Нашёл… я нашёл тебя…

Грудь сдавило с такой силой, что в глазах поплыли чёрные круги. Тёмная фигура нависала сверху, но Анна не могла понять, действительно ли та приближается, или её мозг просто дорисовывает движение. Анна мысленно кричала, умоляла своё тело подчиниться, скребла невидимыми пальцами по простыне, но могла лишь заворожённо наблюдать, как тварь опускается всё ниже, готовая рухнуть и поглотить её целиком.

С нечеловеческим, болезненным усилием, словно пробивая толстую бетонную стену, она заставила свой указательный палец дёрнуться. Оцепенение спало мгновенно, будто лопнула натянутая до предела струна. Анна резко вскочила, судорожно глотая воздух, и ударила ладонью по выключателю.

Вспыхнул яркий свет. Мерзкий болотный силуэт в ту же секунду испарился, словно растворился в воздухе, оставив после себя лишь тающий запах гари и обжигающе холодное пятно на щеке, к которому Анна в ужасе прижала дрожащую ладонь. По телу прокатилась запоздалая, мучительная судорога — мышцы словно оттаивали после обморожения. Ткань футболки

неприятно прилипла к лопаткам, а зубы выбивали мелкую, предательскую дробь, которую никак не удавалось унять, даже плотно сжав челюсти.

Не оглядываясь, она выскочила из спальни. Первым делом тихо приоткрыла дверь в детскую. Сын спал, свернувшись клубочком в прохладной комнате. Настоящий лучик света для неё в эту мрачную ночь. Лука был удивительно красивым мальчиком и унаследовал от Анны её тёмные глаза и такие же непослушные, волнистые волосы, которые сейчас забавно растрепались по подушке. Одеяло, как всегда, сбилось где-то в ногах — Лука с самого рождения спал беспокойно. Анна подошла ближе, заботливо накрыла его и нежно поцеловала в любимую ямочку на щеке.

— Спи, Лучик, — прошептала она и выскользнула из комнаты.

Марк уже стоял в коридоре. Лицо его было напряжённым и встревоженным. Он сделал шаг навстречу и бережно прижал Анну к себе. Рядом с его высокой, широкоплечей фигурой она всегда чувствовала себя защищённой. От мужа пахло домашним теплом и остывшим кофе — этот привычный запах немного заземлял её, возвращая в реальный мир.

— Опять? — тихо спросил он, аккуратно убирая влажную от пота каштановую прядь с её лица. — Чёрт… я так надеялся, что после переезда тебе станет легче. Тишина, свежий воздух…

Анна уткнулась носом в его плечо, чувствуя, как её до сих пор бьёт крупная дрожь. Марк провёл ладонью по её волосам:

— Что ты видела в этот раз?

— Всё то же самое… Перед тем как проснуться, меня снова выкинуло в тот дом. Я почти дошла до синей двери, но меня утянуло обратно.

Марк тяжело вздохнул, на секунду прикрыв глаза. Он слышал про эту синюю дверь сотни раз за годы их брака — Анна описывала её во всех деталях после каждого тяжёлого приступа, и он искренне считал этот образ навязчивым символом детских страхов, с которым никак не может справиться подсознание.

— Ты же знаешь, что это был просто кошмар? — мягко напомнил он, внимательно глядя на жену. — Ты проснулась, всё хорошо. Никакой двери здесь нет.

— В этом и проблема. Я не всегда понимаю, что проснулась. Иногда мне кажется, что я уже встала. Что хожу по дому, разговариваю с тобой.

— Такое бывает при сонном параличе.

— Я знаю.

Марк не стал спорить с её страхом, а просто снова обнял. Он никогда не смеялся над этими приступами и не считал жену излишне впечатлительной: читал медицинские статьи, искал хороших врачей, предлагал наладить режим сна. В любой беде он привык опираться на здравый смысл и логику. И самое главное — никогда не говорил Анне, что она всё это выдумала, искренне веря, что у каждой загадки есть разумная причина.

— Не волнуйся, я в порядке, — соврала она, высвобождаясь из его тёплых объятий. — Сон всё равно ушёл безвозвратно. Поеду-ка я пораньше. Подготовлю пекарню к открытию, побуду при ярком свете. Сам знаешь, работа руками меня всегда отвлекает.

Марк нахмурился, явно недовольный её решением, но спорить не стал. За годы брака он хорошо изучил жену и знал: если её накрывал приступ, заснуть она больше не сможет. В такие моменты Анне действительно нужно было переключиться.

— Ладно, — он нежно поцеловал её в макушку. — Но только пообещай, что поедешь осторожно. И как только доберёшься — сразу напиши мне, хорошо? Я буду ждать.

— Обещаю, — слабо улыбнулась она. — Присмотри за Лучиком, пожалуйста.

Анна накинула куртку, наспех перевязала шнурки кроссовок, взяла ключи и вышла на крыльцо. Пригород тонул в таком плотном октябрьском тумане, что соседних участков словно не существовало — их поглотила серая, влажная пустота. Старые яблони, росшие вокруг дома,

в этой полутьме казались искривлёнными чудовищами, протягивающими к стенам свои корявые ветви.

Воздух на улице был точь-в-точь как в её сне — холодный и сырой. Нащупав брелок, Анна сняла машину с сигнализации, скользнула в остывший за ночь салон и завела мотор. Кроссовер недовольно заурчал, заполняя пространство вокруг привычной, чисто механической вибрацией.

Дорога до города занимала около пятнадцати минут. Обычно она любила эти ранние поездки: пустое шоссе, редкие фонари, первые огни на горизонте. Но сегодня туман сгустился настолько, что свет фар упирался в него почти сразу, превращаясь в глухую белую стену. Вокруг не было ни одной живой души — ни встречных машин, ни случайных прохожих на обочинах. Только мёртвая, ослепшая от сырости ночь.

Анна сжимала руль, то и дело бросая испуганные взгляды в зеркало заднего вида. Ей казалось, что туман за стеклом живой, а в темноте заднего сиденья кто-то притаился, выжидая момент, чтобы положить холодную ладонь ей на плечо. Внутренний голос отчаянно пытался её заземлить: «Это просто стресс, переезд, усталость». Анна до боли прикусила губу. Резкий, солоноватый вкус крови на мгновение отрезвил её.

Но если это всего лишь галлюцинации уставшего разума, то почему каждую ночь сознание с такой пугающей точностью выбрасывает её в одно и то же место? Почему из сотен детских воспоминаний мозг показывает именно синюю дверь? Бабушкин дом. Почему опять он?

***

Наконец впереди проступили первые очертания города. Проехав пару пустынных перекрёстков, Анна повернула в тихий переулок исторического центра, где на первом этаже кирпичного здания располагалась её пекарня.

«Хлебный фонарь» полностью оправдывал своё название. Огромные панорамные окна были украшены гирляндами, а над массивной деревянной дверью висел кованый светильник в виде старинного уличного фонаря, круглосуточно заливающий тротуар мягким янтарным светом. Анна сама всё здесь придумала и долго подбирала каждую деталь. Ей хотелось, чтобы пекарня стала местом, в котором можно укрыться от любой непогоды. Чтобы случайный прохожий в промозглый вечер видел этот огонёк и понимал: здесь безопасно, здесь всегда ждут.

Днём в пекарне обычно было шумно, пахло свежим кофе и выпечкой, а за круглыми столиками сидели мамы с детьми, пожилые пары и студенты. Но сейчас, в четыре утра, зал был пуст и жил своей скрытой, ночной жизнью.

Зайдя внутрь, Анна включила лампы. Они тихо загудели, заливая помещение уютным светом. Здесь, в тепле, ночной кошмар и синяя дверь показались глупой выдумкой воспалённого от недосыпа сознания. Анна достала телефон и быстро написала мужу: «Я на месте, всё хорошо. Люблю вас с Лучиком». Ответ пришёл мгновенно:«И мы тебя. Пусть утро будет добрым».

Анна повязала фартук и подошла к большому антикварному зеркалу, висевшему в простенке у входа в цех. При ярком, ровном свете ламп её отражение выглядело непривычно чужим и изможденным. Под глазами залегли глубокие, синеватые тени, а кожа на скулах казалась почти прозрачной от недосыпа. На левой щеке — ровно в том месте, где в кошмаре её коснулась холодная чёрная нить, — всё ещё держалось едва заметное бледно-розовое пятно, словно след от старого ожога. Она тяжело вздохнула, пытаясь расправить плечи и прогнать усталость из взгляда. Хватит. Ночь закончилась, она в своём «Хлебном фонаре», в полной безопасности. Подхватив непослушные, вьющиеся каштановые пряди, так похожие на кудряшки сына, Анна собрала волосы в тугой узел, закрепила шпильками и решительно толкнула дверь в зал выпечки.

Центральное место здесь занимал огромный деревянный стол для формовки хлеба, тщательно усыпанный мукой. У стены выстроились блестящие стальные чаны тестомесов и высо-

кие стеллажи, на которых стояли плетёные корзины для расстойки багетов и остывали металлические противни. В самом конце высилась подовая печь — сердце всей пекарни, от которой всё ещё шло слабое, надёжное тепло.

Работа всегда успокаивала. Анна подошла к столу и погрузила пальцы в прохладную, податливую массу теста, концентрируясь на его текстуре и запахе — ей нужно было обмять и разделать основу для утренней партии чиабатты.

Анна любила эти ранние утренние часы в пекарне не только за запах ванили и муки. Здесь всё подчинялось строгим, понятным законам: точный вес ингредиентов, выверенная температура печи, чёткий ритм. В жизни, где каждую ночь собственное тело предавало её, превращаясь в неподвижную каменную клетку, контроль над каждым движением здесь возвращал ей право быть хозяйкой своей судьбы.

Она глубоко вдохнула сладковатый аромат дрожжей и корицы, который мгновенно перенёс в детство, когда бабушка Мария ставила её на низкую деревянную скамейку у стола, посыпала маленькие ладошки белой мукой и учила плести тугие, румяные кренделькы. «Запомни этот дух, внученька, — тихо говорила бабушка, ставя противень в жар. — Живой хлеб — это свет и дом. Никакая тень не любит запаха тёплого очага». Через много лет Анна открыла собственную пекарню именно ради этого чувства. И сейчас живой аромат теста окончательно вытеснил из лёгких тошнотворный привкус мокрого пепла, оставленный ночным гостем.

Часы текли размеренно. Механические, доведённые до автоматизма движения помогли окончательно отвлечься. Никаких чудовищ, никакой тёмной тени на потолке — только чистая мука, жар печи и благодарное ремесло. Тесто никогда не обманывало и не требовало сложных объяснений. Если оно не поднималось, нужно было проверить температуру; если корочка получалась слишком тёмной — уменьшить время выпечки. У каждой неудачи здесь находилась своя ясная причина, а для причины — простое решение.

Лампы горели ровным тёплым светом, а за окном медленно начинал просыпаться город. Анна шумно выдохнула, чувствуя, как сковавший её ночью страх окончательно отступает, растворяясь в сладком аромате ванили. Наверное, Марк действительно прав. Это просто сбой в уставшей голове. Она здорова. Её семья в безопасности.

Когда-то Анна даже придумала для своих ночных приступов название — «час быка». Она не помнила, откуда впервые услышала это выражение. Однажды где-то прочитала, что в восточной мифологии так называют период глубокой, глухой ночи, который ассоциируется с тяжёлыми сновидениями. С тех пор три часа ночи стали для неё особенным рубежом — временем, когда сон почему-то казался тоньше и страшнее. Она иногда шутила, что у её страха есть собственное расписание.

К восьми часам утра пекарня полностью преобразилась. Глухая ночная тишина сменилась весёлым гомоном первых посетителей, звоном кофейных чашек и шуршанием крафтовых пакетов с выпечкой. Солнечные лучи пробивались сквозь огромные панорамные окна, в зале пахло карамелью и свежезаваренным кофе.

Анна выставляла на витрину последний противень со свежими круассанами, когда над входной дверью звякнул колокольчик. Она обернулась и почувствовала, как остатки ночной тревоги окончательно тают без следа. В зал вошёл Марк, бережно держа за руку их шестилетнего сына. От мужа, как всегда, веяло привычным спокойствием и надёжностью. Лука весело шагал рядом, качая головой в такт шагам. Его густые волосы забавно торчали из-под красной шапки, а тёмные глаза с любопытством рассматривали гостей.

— Мам! — мальчик тут же сорвался с места, подбежал к стойке и крепко обнял её за талию. — Я проснулся, а тебя нет. Я расстроился, но папа сказал, что мы можем позавтракать с тобой.

— Привет, мой хороший, — Анна нежно поцеловала сына в макушку, вдыхая его родной запах. — Придётся загладить мою вину. Что будешь?

— Какао и круассан. С шоколадом!

— Ну, разумеется, с шоколадом.

Марк подошёл ближе и обнял жену за плечи.

— Ну как ты, милая?

— Всё уже хорошо, — искренне улыбнулась она, снимая фартук. — Работа, как всегда, помогла. Наверное, ты прав — это просто стресс.

Они устроились за круглым столиком у окна. Марк принёс большой капучино для Анны, американо для себя и какао с круассаном для сына. Настоящее, идеальное семейное утро. Лука с аппетитом уплетал выпечку, пачкая нос в молочной пенке, а Марк рассказывал о планах на день. Анна слушала его, грея пальцы о тёплую чашку, и впервые за долгое время чувствовала себя безмятежно счастливой.

Входная дверь пекарни звякнула, впуская очередного покупателя, и по ногам скользнул короткий, промозглый сквозняк. Лука невольно передёрнул плечами, поднимая кружку с какао обеими руками. Его взгляд упёрся поверх края кружки в дальний угол зала — туда, где за прилавком виднелась приоткрытая деревянная дверь в кладовую.

Мальчик замер. Он перестал дуть на какао и долго, задумчиво смотрел на эту дверь, словно пытаясь что-то вспомнить. Потом медленно опустил кружку на блюдце, поднял на Анну чистый, серьёзный взгляд и с детской наивностью произнёс:

— Мама… мне сегодня приснился странный сон. Будто я проснулся, а на мне сидит огромный паук. Я не мог ничего сказать, позвать вас, не мог даже двинуться. И так дышать тяжело было…

Чашка в руке Анны дрогнула. Несколько капель горячего кофе выплеснулись на светлый деревянный стол. Марк внимательно посмотрел на сына.

— А потом, — Лука улыбнулся, словно рассказывал о весёлом приключении, — всё вокруг исчезло. И я оказался на крыльце какого-то старого дома. Там пахло мокрыми листьями и было очень тихо. А прямо передо мной была дверь. Такая красивая, ярко-синяя, точь-в-точь как из моего набора с красками. Из-за неё кто-то тихонько поскрёбся, словно просил впустить или открыть. Я уже потянулся к ручке, но вдруг какой-то строгий голос сказал мне: «Не трогай». Мам, это ведь был просто сон?

В уютном, залитом солнцем пространстве пекарни для Анны в одну секунду наступила оглушительная, звенящая тишина. Золотистые блики на стенах показались чужими и блёклыми. Запах корицы и свежего кофе сменился удушливым привкусом болотного ила и пепла. Мир рухнул. Одно дело — её собственные кошмары. Но её сын, который никогда в жизни не бывал в том доме и которого она всеми силами оберегала от своего прошлого, только что с пугающей точностью описал её личный ад.

У Анны резко похолодели кончики пальцев, а пол под ногами словно качнулся. Она медленно посмотрела на мужа. Марк нахмурился, переводя растерянный взгляд с побледневшей жены на беззаботно болтающего ногами сына. Вся его привычная спокойная расслабленность испарилась без следа. Он прекрасно помнил ночные рассказы Анны. И теперь эти же слова звучали из уст шестилетнего Луки, который никак не мог знать ни о какой синей двери.

— Лучик… — голос Марка стал непривычно серьёзным. — Ты раньше видел такую дверь? Мама тебе рассказывала о ней?

— Нет, папа, никто не рассказывал, — наивно пожал плечами мальчик и потянулся к тарелке. — Она просто мне приснилась.

Анна медленно опустила чашку. Ей показалось, что непоколебимая уверенность, с которой Марк всегда относился к её кошмарам, впервые пошатнулась. Лука тем временем как ни в чём не бывало снова принялся за круассан, мгновенно выбросив из головы только что рассказанный сон.

— Марк… — едва слышно, одними губами выдохнула Анна. — Что происходит?

— Может, он слышал наши разговоры, вот и приснилось. Думаю, нам не стоит зацикливаться на этом при нём.

— Я никогда не рассказывала ему про дверь.

Он накрыл её ладонь своей большой, тёплой рукой.

— Давай не будем пугаться раньше времени. Хорошо?

Из служебного помещения вышла Мила, помощница Анны. На ней был чистый фартук, а в глазах читалась утренняя бодрость.

— Доброе утро! О, у вас семейный совет? — улыбнулась она, заметив их напряжённые лица.

— Скорее семейный завтрак, — быстро ответил Марк, возвращая себе привычную маску спокойствия.

Лука тут же переключился на Милу и восторженно затараторил, рассказывая о своём новом наборе динозавров.

Анна посмотрела на сына. В эту секунду её обожгло дикое, почти животное желание забрать Луку, запереться с ним дома и никуда не отпускать. Быть рядом. Слушать его беззаботный голос, смотреть, как он играет, как ест, как смеётся. Убедиться, доказать самой себе, что никакой старый дом ему больше не приснится и никакая синяя дверь для него не существует.

— Мила, я поеду домой. — Анна поднялась со стула. — Присмотри за залом, пожалуйста. Основное я уже сделала, все заготовки в цеху. Если что-то понадобится, сразу звони.

Мила встревоженно взглянула на Анну, заметив её неестественную бледность.

— Конечно. Ты плохо себя чувствуешь?

— Просто хочу побыть с семьёй.

Анна проверила кассу и вернулась к столику. Марк уже помогал Луке застегнуть куртку.

— Ты едешь с нами? — спросил мальчик.

— Да, сегодня у меня выходной.

— Ура! Мы вместе будем строить железную дорогу?

— Обязательно.

Лука довольно кивнул, словно надеялся услышать именно эти слова.

— Отлично, тогда сегодня никаких дел. — Марк мягко сжал ладонь жены, пока они шли к выходу.

***

Дома Анна первым делом проверила замки на окнах и входную дверь. Она действовала на автомате и пришла в себя, только когда поймала встревоженный взгляд Марка. Лука к этому времени уже успел сбросить ботинки и убежал в гостиную.

— Мам, давай строить!

— Только дай мне сначала поставить обед, начальник станции.

— Быстрее!

Анна прошла на кухню, включила плиту и достала из холодильника продукты. Ей хотелось приготовить что-нибудь простое и сытное. Наваристый домашний суп, тепло родных стен — всё то, что составляло их настоящую, безопасную жизнь и не имело никакого отношения к мрачным призракам прошлого.

Пока бульон закипал, на ковре в гостиной уже разрасталась игрушечная железная дорога. Марк лежал на животе и пытался соединить два деревянных рельса, а Лука авторитетно объяснял ему, почему мост должен стоять именно в этом углу.

Анна принесла им чай и тарелку с тёплыми булочками.

— Мам, смотри! — Лука запустил поезд.

Маленький красный состав с тихим жужжанием проехал по мосту, обогнул диван и замер возле станции.

— Приехал, — объявил Лука.

— Отличная работа, — сказала Анна.

Она опустилась рядом. Лука тут же прижался к её плечу и протянул игрушечную фигурку.

— Это пассажир. Его зовут мистер Бублик.

— Приятно познакомиться, мистер Бублик.

— Он едет домой.

Анна взяла человечка и аккуратно поставила его в крошечный вагон.

— Тогда счастливого пути.

Они провели так почти весь день. Сначала увлечённо строили железную дорогу, затем вместе смотрели мультфильм, а после — дружно накрывали на стол и обедали. Анна несколько раз ловила себя на том, что заворожённо любуется сыном — тем, как он заливисто смеётся или смешно хмурится, если что-то не получается. Вечером, когда за окном пошёл унылый осенний дождь, она укрыла Луку мягким пледом. Мальчик уже засыпал на диване под тихий бубнёж телевизора, где шёл его любимый фильм про динозавров.

— Мам? — сонно пробормотал он, едва приоткрывая глаза.

— Что, солнышко?

— А завтра мы опять будем весь день дома вместе?

Анна поправила край пледа у него на плече.

— Если захочешь.

— Хорошо…

Он закрыл глаза и окончательно провалился в сон. Марк тихо подошёл и сел на диван рядом с ними. Анна устало прислонилась к плечу мужа, вдыхая его родной, спокойный запах.

— Ты сегодня ни разу не открыл ноутбук, — вполголоса заметила она.

— Ну, мы же устроили спонтанный выходной, работа подождёт, — Марк мягко улыбнулся и обнял её, притягивая ближе. — Мне понравилось никуда не торопиться.

В гостиной было тепло и уютно. Мерно тикали настенные часы, экран телевизора отбрасывал мягкие, приглушённые блики на ковёр, а Лука мирно посапывал под боком, уткнувшись носом в подушку. Анна откинулась на спинку дивана и опустила веки, чувствуя, как уходит тяжёлое напряжение этого бесконечного дня. Она решила, что больше не станет думать ни о синей двери, ни о заброшенном доме бабушки, ни о том, что когда-то произошло с ней в глубоком детстве. Сейчас её семья была в полной безопасности. И этого было достаточно.

За окном, в осенней темноте, глухо шумели от ветра старые яблони. Одна из низких, искривлённых веток тихо скрипнула, царапнув по стеклу. Ни Анна, ни Марк не обернулись в ту сторону. Снаружи, между чёрными ветвями сада, на мгновение действительно что-то изменилось. Силуэт? Тень? Человеческая фигура? Словно нечто затаилось в ожидании, когда в доме погаснет свет.

Глава 2. Запах пепла при свете дня

Этой ночью Анна спала на удивление крепко. Она не помнила снов, не просыпалась от звуков собственного прерывистого дыхания, не вслушивалась в ночные шорохи и не бегала проверять детскую. Впервые за несколько недель ей удалось просто лежать в постели рядом с Марком, чувствовать его мирное тепло и не ждать в ужасе, что темнота в углу спальни вот-вот примет пугающие очертания.

Вечером, перед тем как уснуть, они долго разговаривали. Сначала обсудили Луку, затем — дела в пекарне и планы на новые покупки для дома. Постепенно беседа сошла на нет, сменяясь уютным полузабытьём.

Марк мягко погладил Анну по волосам.

— Ты сегодня всё время куда-то исчезала, — тихо сказал он.

— Я же была с вами весь день.

— Физически — да, но мысленно ты была далеко.

Анна не знала, что ответить. Марк приподнялся на локте и внимательно посмотрел на неё.

— Я не хочу, чтобы ты делала вид, будто всё нормально, если это не так. Просто скажи, чего ты хочешь, и я помогу.

Анна молча смотрела на мужа. В полумраке спальни его лицо казалось непривычно спокойным, почти беззащитным. Она вдруг поняла, что весь день ждала именно этого. Не рациональных объяснений, не медицинских советов и не пустых обещаний, что всё обязательно пройдёт. Ей просто хотелось почувствовать себя живой рядом с человеком, которого она любит.

— Сейчас я хочу, чтобы ты меня поцеловал.

Марк прикоснулся к её губам. Сначала осторожно, словно спрашивая разрешения, затем крепче, увереннее. Анна ответила на поцелуй и притянула его к себе. Он бережно снял с неё бельё, и вскоре они растворились в объятьях друг друга. В эту ночь Анна наконец перестала думать о проклятом бабушкином доме и о том, что накануне рассказал Лука. Кошмары отступили, уступая место родному запаху мужа и спасительному теплу его рук. Страх, который весь день тяжёлым комком сидел где-то под рёбрами, казалось, исчез.

Анна открыла глаза. В спальне было светло, сквозь шторы пробивались яркие, тёплые солнечные лучи. На душе сразу стало легко. Значит, ночь прошла. Она села на кровати, спустила ноги на прохладный паркет и вышла в коридор.

На кухне стоял Марк. Он варил кофе, повернувшись к ней спиной, и тихо напевал знакомую мелодию.

— Доброе утро, соня, — сказал он, не оборачиваясь. — Я сделал тебе капучино.

Анна улыбнулась, подошла к окну, чтобы взглянуть на сад… и замерла. За стеклом старые яблони утопали в густой, сочной зелёной листве, а на клумбе ярко цвели пионы. Лето. Но ведь вчера был промозглый октябрь, и шёл косой дождь.

Сердце Анны пропустило удар. *«Я сплю. Я всё ещё лежу в кровати».*

В ту же секунду уютная кухня пошла рябью. Марк медленно повернул голову. Его лицо больше не было добрым и родным — кожа на скулах потемнела, пошла трещинами, как пересохшая земля, а рот растянулся в неестественной, чёрной беззубой щели. Из его горла вместо голоса вырвался знакомый влажный, хлюпающий скрежет.

— Открой, — прошептал он.

Анна замерла, узнав этот голос — тот самый, который Лука слышал во сне. Она резко распахнула глаза по-настоящему. В комнате стояла сырая октябрьская ночь, за окном монотонно стучал дождь по голым веткам яблонь. Она никуда не вставала, не спускалась на кухню и не пила кофе. Анна всё ещё лежала на спине, намертво вжатая в матрас чужой тяжестью, а прямо над её лицом, в сантиметре от носа, с потолка свисала тяжёлая, колышущаяся чёрная тень.

Тень не нападала, но от неё тянуло смрадом мокрого пепла. Анна чувствовала, как тело вдавливает в подушку, не давая сделать глубокий вдох. Собрав остатки воли, она сосредоточилась на кончике языка и с силой прикусила его, прорывая вязкую пелену оцепенения резкой вспышкой боли.

Судорога отпустила мгновенно. Тень под потолком с тихим, едва различимым шипением растаяла в темноте, словно её сдуло сквозняком. Анна жадно глотнула воздух и повернула голову в сторону. Рядом, мирно посапывая, спал Марк — настоящий, живой, с ровно вздымающейся грудью. Анна осторожно коснулась пальцами его плеча, убеждаясь, что кожа гладкая, тёплая, без всяких трещин. Только после этого она перевела дух, вытерла выступившую на лбу испарину и наконец провалилась в глубокий сон без сновидений.

Утром Анна не сразу решилась открыть глаза, прислушиваясь к звукам дома. С первого этажа доносился тихий звон посуды и заливистый смех Луки. За окном спальни было по-осеннему пасмурно: на стекле держались крупные капли ночного дождя, а ветви старых яблонь были голыми и тёмными. На этот раз реальность не обманывала. Анна немного полежала, разглядывая чистый белый потолок. Никакого влажного шороха над головой. Никаких чужих голосов в пустоте.

На кухне Лука уже сидел за столом в пижаме с динозаврами и старательно размазывал джем по тосту. Получалось не очень: липкие ягодные следы красовались на хлебе, на пальцах мальчика и по всему краю тарелки.

— Доброе утро, — улыбнулась Анна, спускаясь по лестнице и невольно бросая быстрый взгляд в окно. На улице по-прежнему моросил осенний дождь.

— Мам, я сам сделал завтрак! — гордо провозгласил Лука.

— Вижу. Очень профессионально.

— Папа сказал, чтобы я и тебе тост приготовил.

Марк стоял у кофемашины и с нежностью смотрел на жену. На мгновение, когда он повернул голову в её сторону, у Анны неприятно сжалось под ложечкой — память тут же подбросила жуткий образ из ночного кошмара, где его лицо покрывалось серыми трещинами. Анна заставила себя моргнуть и улыбнуться в ответ. Перед ней стоял живой, улыбающийся муж с добрым, знакомым взглядом. Она вдруг подумала, что именно Марк сейчас удерживает её в реальности. Пока он рядом, она ещё может отличить сон от яви.

Они позавтракали вместе, слушая увлечённую болтовню сына. Лука рассказывал, что в садике они строили из кубиков самый высокий небоскрёб, но он упал, потому что один мальчик «не соблюдал правила архитектуры». Марк со смехом спросил, собирается ли сын стать архитектором, но Лука с предельной важностью заявил, что станет палеонтологом.

Обычное утро. Обычная кухня. Три чашки на столе. И всё же Анна не могла выбросить из головы ни вчерашний разговор, ни сегодняшнее ночное наваждение, которое оказалось пугающе реалистичным. Кошмары больше не ограничивались тёмными углами — они начинали подделывать её реальность. Она терпеливо ждала, пока Лука доест свой тост, а затем выразительно посмотрела на Марка.

— Всё-таки я хочу сходить к врачу.

— К тому специалисту, которого я нашёл?

Анна кивнула.

— Да. К Фридману.

Марк тут же достал телефон.

— Я позвоню ему прямо сейчас. Если у него есть свободное время на сегодня, сразу поедем.

Марк отошёл к окну в коридоре, чтобы Лука не слышал лишних подробностей. Короткий разговор с администратором клиники занял всего пару минут. Им повезло: у профессора Фридмана как раз отменился утренний приём, и он готов был принять их через час.

— Нас ждут, — сказал Марк, возвращаясь на кухню и убирая телефон в карман. — Собираемся, выезжаем прямо сейчас.

Пока Марк помогал Луке одеться и собрать любимые игрушки в рюкзак перед поездкой к врачу, Анна поднялась в спальню за своей сумкой. В доме стояла привычная утренняя тишина, нарушаемая лишь приглушёнными голосами мужа и сына с первого этажа.

Бессонная ночь давала о себе знать: затылок налился свинцом, перед глазами плыли серые мушки. Анна присела на край заправленной кровати, всего на одну минуту прикрыла веки и откинулась на подушки, надеясь унять гудящую в висках боль.

Она не провалилась в глубокий сон — сознание оставалось ясным, она всё ещё слышала, как внизу скрипнула дверца шкафа. Но в следующую секунду звук в доме словно выключили, повернув регулятор громкости на ноль.

Анна попыталась открыть глаза, но веки будто склеили густым клеем. Руки, лежавшие поверх покрывала, мгновенно одеревенели. Знакомая волна паралича накрыла её прямо посреди белого дня. А затем тишина взорвалась.

Прямо над её правым ухом раздался оглушительный, нечеловеческий грохот — словно с огромной высоты рухнула и с лязгом захлопнулась тяжёлая железная дверь, а следом разлетелось вдребезги толстое оконное стекло. Ударная звуковая волна, казалось, прошла череп насквозь, отзываясь болезненным звоном в зубах. Внутри этого грохота прорезался короткий, пронзительный детский визг, полный чистого, животного ужаса.

Анна мысленно закричала, пытаясь закрыть уши руками, но пальцы не шевельнулись. В ушах нарастал низкий, вибрирующий гул, и на долю секунды перед внутренним взором вспыхнуло яркое, обжигающее воспоминание из детства: ей шесть лет, она стоит в полумраке застеклённой веранды у бабушки, зажав уши ладонями, а массивная синяя дверь перед ней сотрясается от тяжёлых ударов — что-то огромное, запертое внутри дома, с чудовищной силой пытается выбить засов и вырваться наружу.

А потом за дверью раздался детский голос:

— Не открывай!

Анна не могла понять, собственный ли это крик она слышит или чей-то другой.

— Мам, ты скоро? Мы готовы! — звонкий голос Луки с лестницы прорвал пелену наваждения.

Паралич отпустил так же внезапно, как и начался. Анна резко села на кровати, судорожно хватая ртом воздух и прижимая ладони к ушам. В спальне стояла идеальная тишина. Окно было целым, за стеклом по-прежнему моросил мелкий дождь. Никакого грохота. Никакого разбитого стекла.

Руки дрожали. Анна медленно поднялась, чувствуя, как по спине стекает холодный пот. Она знала, что врачи умеют объяснять и такие вещи. Резкий звук на границе сна. Вспышка памяти. Иллюзия. Ещё один сбой. Но этот детский крик в её голове звучал пугающе знакомо. Анна посмотрела на дверь спальни. На секунду ей показалось, что ручка чуть дрогнула.

***

Клиника располагалась в современном медицинском центре на окраине города. Внутри пахло дорогим парфюмом, в углу уютно горел искусственный камин, а за широкой деревянной стойкой их встретила миловидная девушка-администратор.

— Профессор Фридман примет вас через пару минут, располагайтесь, пожалуйста. Может быть, чай или кофе?

— Воды, — одновременно произнесли Марк и Анна. Лука к этому моменту уже успел скинуть с себя ботинки и с ногами забрался на мягкий диван у стены.

Ждать пришлось действительно недолго. Вскоре дверь с табличкой «Профессор Фридман Э. Г. Кабинет сомнологии и нейрофизиологии» распахнулась. Сам профессор — благообразный мужчина лет пятидесяти в очках без оправы и идеально отглаженной рубашке — встретил их мягкой, профессиональной улыбкой.

Его кабинет оказался небольшим, но очень уютным: книжные полки, массивный письменный стол, два глубоких кресла для пациентов и кушетка у стены. На подоконнике стоял горшок с мясистым зелёным растением. Врач вежливо поздоровался с каждым, предложил Луке устроиться на мягкой кушетке и поинтересовался, не хочет ли мальчик порисовать, пока взрослые будут беседовать.

— Я уже взрослый, — серьёзно ответил Лука.

— Это я сразу заметил, — улыбнулся Фридман. — Тогда можешь просто посидеть с нами.

Марк сел рядом с женой. Анна положила руки на колени и крепко сцепила пальцы. Профессор открыл на компьютере медицинскую карту и прошёлся взглядом по строчкам.

— Итак, Анна. В анкете вы указали, что первые эпизоды сонного паралича начались у вас ещё в детстве?

— Да. Мне было около шести лет.

— И продолжаются до сих пор?

— Не постоянно. Иногда проходят месяцы, а иногда случаются несколько раз за неделю. В последнее время они участились.

— Что именно вы чувствуете в такие моменты?

Анна немного помолчала, собираясь с мыслями.

— Я просыпаюсь, но не могу пошевелиться. Возникает чёткое ощущение, что в комнате кто-то есть. Я вижу его, слышу. Ощущаю запахи. Порой мне кажется, что это существо ко мне прикасается.

— Вы отдаёте себе отчёт, что находитесь на границе между сном и бодрствованием?

— Иногда понимаю это. Но легче от этого не становится.

Фридман сочувственно кивнул.

— Это довольно характерно для вашей клинической картины. При сонном параличе сознание уже успевает пробудиться, а мышечная атония, которая естественным образом возникает в фазе быстрого сна, всё ещё сохраняется. Мозг продолжает генерировать элементы сновидения, и человек воспринимает их как происходящее наяву. Отсюда и такая пугающая убедительность.

— То есть я всё это вижу во сне? — спросила Анна.

— Можно сказать и так. Хотя для человека, который переживает приступ, это совершенно реальный, осязаемый опыт.

— А запахи? — Анна подалась вперёд. — Я чувствую сырую землю, гниль, иногда что-то горелое.

— Обонятельные галлюцинации тоже укладываются в рамки нарушений фазы сна. Но я бы хотел подробнее разобраться с частотой приступов, вашим режимом и общим фоном. Вы давно испытываете стресс?

Анна невольно посмотрела на Марка.

— Не больше, чем все остальные.

— Это не очень точная медицинская категория, — заметил Фридман с лёгкой, ободряющей улыбкой. — Но я вас понял.

Профессор задал ещё несколько уточняющих вопросов: расспросил про продолжительность сна, количество кофеина в рационе, принимаемые лекарства и сильные переживания за последнее время. Анна отвечала, а Марк иногда дополнял детали, которые она упускала из виду.

Затем доктор плавно повернулся к Луке.

— А теперь расскажи мне про свой сон. Только так, как ты его помнишь. Не нужно придумывать.

Лука неуверенно посмотрел на маму.

— Я уже рассказывал.

— Знаю. Но я хочу услышать от тебя.

Мальчик забрался в свободное кресло с ногами, обхватывая колени. Он совсем не выглядел напуганным — при ярком свете кабинета ночной сон казался ему просто странной сказкой.

— Там была старая дверь. Синяя.

— Ты видел такую раньше?

— Нет.

— Может быть, на фотографии? Или в гостях?

— Нет.

Фридман сделал пометку в блокноте.

— Хорошо. А что происходило дальше?

Лука нахмурил брови, вспоминая.

— Внутри кто-то был, скрёбся тихонько. Вот так… — Лука провёл ногтём по подлокотнику кресла.

Раздался сухой, неприятный звук. Анна невольно вздрогнула.

— А потом я вспомнил… там ещё тихий голос сказал: «Открой, малыш, здесь темно». Я уже потянул руку к ручке, но потом услышал снаружи крик: «Не трогай!» — и я сразу проснулся.

Анна почувствовала, как у неё леденеют пальцы и колет в ногах. Фридман поднял на неё быстрый взгляд, а затем снова повернулся к ребёнку. В кабинете воцарилась тяжёлая тишина. Профессор медленно отложил ручку.

— Лука, ты знаешь, что иногда наш мозг соединяет вместе разные впечатления? Например, ты мог видеть похожую дверь в мультфильме или книжке, а потом во сне она оказалась в другой комнате.

— Я нигде не видел такую дверь раньше, — упрямо возразил Лука.

— Я тебе верю, — мягко ответил Фридман. — Просто объясняю, как устроены сны.

Врач произнёс это спокойно, без тени снисходительности, и Анна была ему за это искренне благодарна. Профессор ещё немного поговорил с мальчиком, а затем попросил Марка помочь сыну выбрать карандаши и бумагу на столике в углу. Как только они отошли, Фридман понизил голос:

— Я бы не стал связывать ваши симптомы напрямую. Детские фантазии бывают очень яркими, особенно если ребёнок подсознательно считывает тревогу родителей. Но мне важно понять, что именно происходит с вами, Анна. Я рекомендую вести подробный дневник ночного отдыха, по возможности строго соблюдать режим и пройти дополнительное обследование. Если приступы участились, стоит исключить другие патологии.

— А если всё это происходит не только у меня в голове? — тихо спросила она.

Фридман не ответил сразу. Он внимательно вгляделся в её лицо.

— Вы имеете в виду, что кто-то действительно находится в комнате в такие моменты?

Анна смутилась под его пристальным взглядом и ответила в сторону:

— Я не знаю…

— Тогда давайте пока не будем делать поспешных выводов. Наш страх умеет быть очень убедительным. Но мы начнём с того, что можем проверить. То, что вы описываете, действительно похоже на сонный паралич. Поэтому сначала мы проверим именно эту гипотезу.

— Но доктор… — Анна подалась вперёд, её речь сорвалась на лихорадочный шёпот. — Лука описал такие детали моего кошмара, о которых просто не мог знать. Как обычная фаза сна может передавать чужие воспоминания?

Врач откинулся на спинку кресла. Его голос звучал успокаивающе и веско:

— Существует такое понятие, как психическая индукция. Вы страдаете от параличей годами. Возможно, вы разговаривали во сне или вскользь упоминали детали своих ночных

кошмаров при сыне. Мозг Луки в состоянии сонного ступора просто вытащил из памяти когда-то услышанные образы.

Анна с шумом выдохнула. Она хотела верить Фридману. Хотела хотя бы несколько часов снова почувствовать, что мир устроен понятно. Но прямо в эту секунду Лука резко перестал рисовать. Грифель карандаша с тихим стуком замер на бумаге.

— Мам.

Анна обернулась на его непривычно тихий, чужой тон.

— Что, солнышко?

Он смотрел не на неё, а на стену за спиной врача. Там висел большой медицинский плакат с изображением человеческого мозга. Яркие цветные участки показывали разные зоны активности во время сна и бодрствования. Анна обратила на него внимание, ещё когда вошла в кабинет. Но теперь на плакате было что-то не так.

Между двумя цветными областями темнело маленькое пятно. Сначала Анна решила, что это просто тень от рамки. Но отметина была слишком чёткой, глубокого угольного цвета. Она словно проступала изнутри самой бумаги.

— Что там? — спросил Марк.

— Ничего, — тихо ответил Лука.

Но мальчик не отводил взгляда. Чернильная клякса вытянулась вниз. От неё отделилась тонкая полоса, затем ещё одна. Они медленно расползались по белому фону, напоминая костлявые пальцы. Анна перестала дышать. Она знала эту форму. Где видела подобное раньше — память не подсказывала, но тело узнало эту угрозу мгновенно, до того, как успело подобраться логическое объяснение. В носу резко появился удушливый запах сырой земли. А следом — пепла. Холодного, мокрого пепла, который остаётся на дне давно потухшего костра.

— Марк… — выдохнула Анна и указала на стену. — Ты видишь?

Марк посмотрел на плакат.

— Что именно?

Она не успела ответить. Чёрные полосы на изображении продолжали удлиняться. Теперь они стали похожи на человеческую ладонь с неестественно длинными, узловатыми пальцами, прижатую к глянцевой бумаге с обратной стороны. Лука медленно сполз со своего стула. Мальчик смотрел на проступающий силуэт широко раскрытыми, застывшими глазами. Анна почувствовала, как Марк взял её за руку.

— Анна, посмотри на меня.

Но она не могла оторвать взгляд. На долю секунды ей показалось, что один из нарисованных пальцев конвульсивно шевельнулся. А затем прямо из глубины стены донёсся тихий звук. Влажный, тягучий, хлюпающий вдох.

— Достаточно, — резко сказал Марк, поднимаясь. — Мы уходим.

Профессор Фридман встал из-за стола:

— Подождите. Что случилось?

— Я не знаю, — ответил Марк. — Но моему сыну здесь плохо.

Он решительно подошёл к Луке и взял его на руки. Мальчик сразу уткнулся лицом ему в плечо. Анна наконец перевела взгляд на врача. Тот стоял возле стола, внимательно вглядываясь в них. В глазах профессора не было ни страха, ни растерянности — только глубокое недоумение.

— Я не вижу ничего необычного, — спокойно произнёс он. — Возможно, вам стало не по себе из-за волнения. Давайте присядем, я принесу воды.

Анна снова обернулась к стене. Чёрное пятно бесследно исчезло. На его месте осталась только безупречная медицинская схема — аккуратные цветные участки, тонкие подписи и стрелки. Она сделала шаг назад. Марк уже держал Луку у двери. Она последовала за ними, даже не попрощавшись.

Профессор Фридман быстро обогнул кресло и поспешил за ними в коридор, на ходу снимая очки. На его лице больше не было дежурной вежливости — только искренняя профессиональная тревога.

— Марк, Анна, пожалуйста, задержитесь на секунду, — негромко окликнул он их, прикрывая за собой дверь кабинета, чтобы не привлекать внимание персонала. — Я вижу, на каком вы пределе, Анна. Острый стресс и хронический недосып способны вызывать ярчайшие визуальные иллюзии, особенно в незнакомой обстановке. Не нужно пугаться собственной реакции.

— Нам просто нужно домой, доктор, — глухо ответил Марк, не выпуская сына из рук.

— Конечно, я не смею вас задерживать, — Фридман сочувственно кивнул и протянул свою визитную карточку, на обратной стороне которой был написан личный номер. — Но я настоятельно рекомендую не оставлять это на самотёк. Подумайте о том, что я говорил: стационарное обследование во время сна снимет все вопросы. Если ночью приступ повторится или станет хуже — звоните мне в любое время. Палата для вас найдётся.

Анна молча взяла визитку холодными пальцами, коротко кивнула и поспешила за мужем к выходу из отделения. В коридоре клиники по-прежнему было светло и тихо. Из соседнего кабинета доносился чей-то приглушённый смех, а за стойкой девушка-администратор всё так же разговаривала по телефону, что-то лениво записывая в журнал.

Марк остановился возле большого панорамного окна у выхода.

— Ты как?

Анна провела дрожащей ладонью по лицу.

— Я не знаю. Ты правда ничего не заметил?

— Нет. Я видел только, как Лука перепугался. И в каком ты сама состояни

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.